

ЛИЧНОСТЬ
В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ
PERSONALITY IN THE DISCOURSE
OF INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 23—45.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 23—45.

Научная статья

УДК 930.1(091)

EDN <https://elibrary.ru/yuwodk>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.2

Научная специальность ВАК

5.6.5. Историография, источниковедение, методы
исторического исследования

**ИСТОРИК НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ:
ПАМЯТИ И. Ю. НИКОЛАЕВОЙ**

Олег Эдуардович Терехов

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,
terehov1968@mail.ru, SPIN-код: 4618-4387,
<https://orcid.org/0000-0002-8833-6515>

Оксана Николаевна Терехова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,
oksanan1970@mail.ru, SPIN-код: 7100-2047,
<https://orcid.org/0000-0003-2736-6435>

Аннотация. Статья посвящена памяти доктора исторических наук, профессора Томского государственного университета Ирины Юрьевны Николаевой. Авторы рассматривают творческий путь Николаевой на разных этапах ее научной деятельности и выявляют ее вклад

в современную российскую историческую науку, прежде всего, в методологии исторического познания. Авторы ставили перед собой задачу выявить эволюцию исторических взглядов И. Ю. Николаевой.

Методологической основой работы стал принцип историзма, позволяющий рассмотреть становление и эволюцию исторических взглядов Николаевой в общем контексте развития отечественной исторической науки в конце XX — начале XX в. За основу методики исследования взят сравнительно-исторический метод как наиболее объективно отражающий во времени различные этапы научного поиска Николаевой. Источниками для написания статьи стали труды Николаевой, отзывы и рецензии на ее работы, труды представителей томской историографической школы.

Авторы отмечают большое влияние томской историографической школы и ее интеллектуального лидера Б. Г. Могильницкого на формирование исторических взглядов Николаевой. Она принадлежит к числу видных представителей школы. Начав — на излете существования советской исторической науки — с изучения проблемы социальной революции в американской психоистории, Николаева в период становления российской исторической науки в конце XX в. активно включилась в поиск новой методологии исторического исследования. Ее научные интересы сфокусировались на возможностях междисциплинарного синтеза в русле новейших достижений ряда направлений современной исторической науки: психоистории, исторической антропологии, истории ментальности, интеллектуальной истории. Концепция полидисциплинарного методологического исторического синтеза, разработанная и апробированная Николаевой в своих трудах и работах ее учеников, вызвала широкий интерес коллег-историков и представителей смежных гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: Ирина Юрьевна Николаева, томская историографическая школа, полидисциплинарный методологический исторический синтез

Для цитирования: Терехов О. Э., Терехова О. Н. Историк на переломе эпох: памяти И. Ю. Николаевой // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 23—45.

Original article

HISTORIAN AT THE TURNING POINT OF ERAS: IN MEMORY OF I. YU. NIKOLAEVA

Oleg E. Terekhov

Kemerovo State University. Kemerovo, Russia, terekhov1968@mail.ru,
SPIN-код: 4618-4387, <https://orcid.org/0000-0002-8833-6515>

Oksana N. Terekhova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, oksanan1970@mail.ru,
SPIN-код: 7100-2047, <https://orcid.org/0000-0003-2736-6435>

Abstract. The article is dedicated to the memory of Doctor of History, Professor of Tomsk State University Irina Yuryevna Nikolaeva. The paper examines her career at different stages of her research work and identifies her contribution to modern Russian historical science, primarily to the methodology of historical research. The authors set the task of identifying the evolution of I. Yu. Nikolaeva's historical views.

The work methodology is based on the principle of historicism, which makes it possible to consider the formation and evolution of I. Yu. Nikolaeva's historical views in the general context of the development of Russian historical science during the late XX — early XXI century. The comparative historical method is chosen as the basis for this research as the most objective way of reflecting various stages of Nikolaeva's research work over time. The sources for writing the article include works by I. Yu. Nikolaeva, reviews of her works, and the works of the Tomsk historiographic school members. The authors note the great influence of the Tomsk historiographic school and its mastermind B. G. Mogilnitsky on the formation of I. Yu. Nikolaeva's historical views. Nikolaeva is one of the prominent representatives of the school. She started her researcher career at the end of the Soviet historical science with the study of social revolution in American psychohistory. During the formation of Russian historical science at the end of the XX century, Prof. Nikolaeva actively joined the search for a new methodology of historical research. Her scientific interests focused on the possibilities of interdisciplinary synthesis in line with the latest achievements in a number of areas of modern historical science: psychohistory, historical anthropology, history of mentality, and intellectual history. The concept of multidisciplinary methodological historical synthesis developed and tested by Prof. Nikolaeva in her works and the works of her students aroused wide interest among historians and representatives of related humanities.

Keywords: Irina Yuryevna Nikolaeva, Tomsk historiographic school, multidisciplinary methodological historical synthesis

For citation: Terekhov, O. E. and Terekhova, O. N. (2025), 'Historian at the turning point of eras: in memory of I. Yu. Nikolaeva', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 23—45 (in Russ.).

Введение

Актуальность. 13 января 2025 г. исполнилось бы 70 лет со дня рождения известного томского историка, одного из ведущих представителей томской историографической школы, доктора

исторических наук, профессора Национального исследовательского Томского государственного университета Ирины Юрьевны Николаевой (1955—2015). Ирина Юрьевна всегда развивала и поддерживала обширные научные связи, и ее внезапная и безвременная кончина в 2015 г. стала потрясением для учеников и коллег.

Со студенческих лет областью научных интересов И. Ю. Николаевой стали историография и методология истории. Именно интерес к методологическим проблемам исторической науки привел ее в конечном итоге к формированию оригинальной теоретико-методологической концепции, в которой она осуществила методологический синтез и верификацию в истории на основе современных концепций бессознательного. За десятилетие, прошедшее со дня ее кончины, стало ясно, что интеллектуальное наследие И. Ю. Николаевой не потеряло свою научную ценность и актуальность.

Постановка вопроса. Целью данной работы является анализ интеллектуального наследия И. Ю. Николаевой на различных этапах ее научной деятельности, начиная с раннего (1980-е годы) и до середины 2010-х гг. В качестве задач можно выделить следующие: показать становление И. Ю. Николаевой как представителя томской историографической школы, рассмотреть основные методологические и историографические проблемы, которые находились в центре ее научного внимания, дать оценку ее научному наследию в целом. При этом авторы отнюдь не претендуют на подробное освещение научного творчества Ирины Юрьевны, которое достаточно обширно и требует специального исследования. Главная задача данной статьи — выявить основные тенденции эволюции ее исторических взглядов в ракурсе современной отечественной исторической науки.

Краткий историографический обзор. Теоретико-методологические новации И. Ю. Николаевой в современной отечественной историографии были рассмотрены в известном труде Б. Г. Могильницкого по исторической мысли XX в., написанном на основе его лекционного курса, который он много лет читал студентам-историкам Томского государственного университета [Могильницкий, 2008]. Он отмечал, что И. Ю. Николаева является автором оригинальной междисциплинарной концепции исторического синтеза [Там же: 403]. Новизна этой теоретико-методологической концепции заключалась, по мнению Могильницкого, в структурной гармонизации ее междисциплинарных

компонентов, их взаимодополняемости, в основе которой находились современные теории бессознательного П. Бурдье, Э. Эрикsona и ряда др., так как сфера бессознательного предоставляла обширные исследовательские возможности для исторического междисциплинарного синтеза [Там же: 404]. «Сфера бессознательного при этом понимается как не осознаваемая, но четко упорядоченная историческим стилем жизни общества матрица социально-психологических установок сознания и поведения людей, формирующаяся историческим опытом различных социальных слоев, поколений и отдельных личностей», — констатирует Могильницкий [Там же: 404—405]. Он также поддержал вывод Л. П. Репиной в ее рецензии на монографию Николаевой [Репина, 2007] о том, что Ирина Юрьевна разработала перспективное направление в теории и практике исторического познания, которое в своем многостороннем теоретико-методологическом контексте позволяет охватить различный круг исследовательских проблем [Там же: 405]. В дальнейшем, рассматривая концепцию И. Ю. Николаевой, Могильницкий отмечал две ее характерные черты: она основана не просто на междисциплинарном анализе, а на полидисциплинарной (многодисциплинарной) технологии исторического исследования, что подчеркивает ее вторую особенность — попытку синтеза макро- и микроистории [Его же, 2009: 19].

Помимо вышеуказанной рецензии Л. П. Репиной и детального анализа Б. Г. Могильницкого, монография И. Ю. Николаевой, изданная на основе ее докторской диссертации [Николаева, 2005], получила еще ряд откликов. С. С. Минц утверждает, что проблема создания методологического синтеза в исторической науке всегда была тесно связана с проблемами психологической трактовки исторических явлений и событий [Минц, 2009: 285]. Минц подчеркивает давнюю традицию развития исторической психологии в отечественной исторической и гуманитарной мысли. Работа Николаевой, по ее мнению, свидетельствует о возвращении этой традиции после определенного временного перерыва, причем возвращении на новом теоретико-методологическом уровне и в контексте «методологического коллапса, который испытывает современная отечественная историческая наука...» [Там же]. Положительным моментом концепции полидисциплинарного исторического синтеза, предложенной И. Ю. Николаевой, стала ориентация на построение моделей среднего уровня, чего, как

полагает автор рецензии, не хватает в исторической науке [Там же: 288]. Николаева, исходя из социокультурного подхода к историческому процессу, сумела, на взгляд Минц, выявить познавательный потенциал теории бессознательного и использовать его для создания методологии, существенно расширяющей представления о ментальной истории.

Известный специалист по истории исторической мысли, тоже воспитанник томской историографической школы, С. П. Рамазанов рассматривает концепцию И. Ю. Николаевой в рамках своей главной научной проблемы — кризиса исторической науки. С этой точки зрения монография Николаевой является важным исследованием, в котором обосновываются новые теоретические критерии «синтеза разнодисциплинарных концепций и методов на принципиально новых основаниях» [Рамазанов, 2009: 164]. Рамазанов отмечает универсальный характер используемых и синтезируемых Николаевой концепций, которые взаимодополняют друг друга и поэтому позволяют верифицировать полученные результаты на конкретных исторических примерах.

Справедливости ради надо сказать, что теоретико-методологические исследования И. Ю. Николаевой вызвали не только положительную оценку, но и критику со стороны коллег. В наиболее острой форме это проявилось в статье Г. С. Криницкой [Криницкая, 2011]. Научное направление, в рамках которого работала Николаева, автор относит к постмодернистскому в современной отечественной исторической науке. Дискурсивные практики отечественного исторического постмодернизма отнюдь не направлены на поиск научной истины, а заменяют ее заранее заданными смыслами. Вводя в историческую науку сомнительный с научной точки зрения психоаналитический и иной материал, постмодернистские методологические практики объявляют мифологемами любые рациональные основы объяснения исторического процесса [Там же: 123]. Криницкая полемически говорит о том, что при данном теоретико-методологическом подходе вместо исторической науки, в ее совокупной целостности как науки об обществе и его институтах, мы получаем новое издание теории рефлексологии знаменитого психиатра В. М. Бехтерева. И, ссылаясь на автореферат докторской диссертации Николаевой, констатирует: «Исторический процесс в постмодернистском синтезе превращается в игру

слепых, бессознательных, темных сил и становится следствием “меняющегося алгоритма сексуального поведения вождя”» [Там же: 123].

В контексте оценок научного наследия Ирины Юрьевны также следует упомянуть отклики на ее безвременную кончину. Так, например, в альманахе «Диалог со временем» отмечалось, что работы Николаевой хорошо известны научной общественности, а ее методологическая концепция, основанная на синтезе новейших достижений социологии, истории, психологии и связанная с различных сторон с проблемой бессознательного, вызвала широкую дискуссию в современной отечественной исторической науке [Памяти Ирины Юрьевны Николаевой 1955—2015, 2015: 6]. В некрологе, опубликованном в «Новой и новейшей истории», особенно подчеркивалось, что с кончиной И. Ю. Николаевой «томская историографическая школа понесла невосполнимую утрату» [И. Ю. Николаева, 2015: 214].

Методология и методы исследования

Методологической основой настоящей работы стал принцип историзма, позволяющий рассмотреть становление и эволюцию исторических взглядов И. Ю. Николаевой в общем контексте развития отечественной исторической науки в конце XX — начале XXI вв. За основу методики исследования взят сравнительно-исторический метод как наиболее объективно отражающий во времени различные этапы научного поиска Николаевой. Источниками для написания статьи стали труды Николаевой, отзывы и рецензии на ее работы, труды представителей томской историографической школы.

Основная часть

Ирина Юрьевна Николаева (13 января 1955 — 9 июля 2015) родилась в Якутске. В 1977 г. окончила исторический факультет Томского университета, с которым в дальнейшем была связана вся ее профессиональная деятельность. Увлекшись в студенческие годы философией истории Шпенглера (ему была посвящена дипломная работа), Николаева в аспирантуре проявила научный интерес к новейшим направлениям западной исторической мысли, в частности американской психоистории [Профессора Томского университета, 2012: 208]. Проблеме трактовки социальной революции в американской психоистории была посвящена

кандидатская диссертация Николаевой, которую она защитила в 1984 г. в диссертационном совете ТГУ по специальности 07.00.09 Историография и источниковедение [Николаева, 1984].

Формирование Николаевой как ученого происходило в рамках томской историографической школы. 1970—1980-е гг. стали годами интеллектуального расцвета школы в советский период ее развития. Феномен томской историографической школы, вовравшей в себя как минимум три поколения историков, и не только Томского университета, и сыгравшей значительную роль в развитии историографии и методологии истории в отечественной исторической науке, еще ждет своего скрупулезного исследователя. На данный момент лишь некоторые аспекты становления и развития школы нашли свое отражение в ряде работ ее представителей [Могильницкий, 1999; Его же, 2003; Рамазанов, Кирсанова, 2019]. Ряд сюжетов, связанных со становлением и эволюцией школы, освещены в монографии Д. В. Хаминова [Хаминов, 2011]. О значимости вклада школы в отечественную историческую науку говорит тот факт, что в 2007 г. томскую историографическую школу в лице Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, С. П. Рамазанова выдвигали на Государственную премию РФ в области науки и техники [Рамазанов, Кирсанова, 2019: 188].

Следует отметить, что под томской историографической школой мы подразумеваем, прежде всего, группу исследователей, которые в 1970—1990-е гг. составляли ее интеллектуальное ядро, работали в университетах СССР и Российской Федерации и занимались изучением в историографическом и методологическом контексте теоретико-методологических вопросов отечественной и западной исторической науки под руководством А. И. Данилова в 1960-х гг. и Б. Г. Могильницкого. Но научное наследие томской историографической школы не ограничивается только вышеуказанной проблематикой. В ее рамках существовал ряд историографических течений, которые разрабатывали более узкую историографическую тематику. Достаточно, например, вспомнить историографию германского национал-социализма, представленную Н. С. Черкасовым, Ю. В. Галактионовым, Л. Н. Корневой.

Говоря о влиянии на становление научных взглядов И. Ю. Николаевой традиций томской историографической школы, следует в первую очередь отметить в этом процессе роль

интеллектуального лидера школы Б. Г. Могильницкого (1929—2014), который был научным руководителем кандидатской диссертации Николаевой и ее научным консультантом при написании докторской. И. Ю. Николаева неоднократно обращалась к личности и научному наследию своего учителя [Хмылев, Николаева, 1999; Николаева, 2009а; Ее же, 2014]. Многолетние профессиональные и дружеские отношения связывали Ирину Юрьевну с главным научным сотрудником Института всеобщей истории РАН, основателем Общества интеллектуальной истории, видным отечественным специалистом по историографии Л. П. Репиной, также оказавшей определенное влияние на выбор Николаевой своей главной исследовательской проблематики. Научные интересы Николаевой фокусировались на современных методологических подходах и направлениях в исторической науке и были весьма обширны: американская «психоистория», концепции бессознательного в психологии и истории, историческая антропология, гендерная история, интеллектуальная история, теория модернизации. Именно на такой теоретико-методологической и историографической основе она разработала свою технологию полидисциплинарного синтеза, которую апробировала на материале европейской и отечественной истории средневековья и Нового времени.

Основные положения кандидатской диссертации И. Ю. Николаевой нашли отражение в монографии 1985 г. [Могильницкий, Николаева, Гульбин, 1985]. Изданная на заре перестройки, несмотря на марксистский идеологический и методологический заряд, книга содержит добросовестный и тщательный анализ концепций американских психоисториков. Необходимо отметить, что подобный подход к критике «буржуазной» исторической мысли был вообще характерен для томской историографической школы. Высокий научный профессионализм всегда был фирменным стилем школы и ценился среди коллег. Данная традиция заложена основоположником школы А. И. Даниловым и продолжена Б. Г. Могильницким и его многочисленными учениками, среди которых Ирина Юрьевна занимает почетное место.

Касаясь трактовок феномена революции в американской психоистории, И. Ю. Николаева отмечает, что проблема изучения революций является одним из главных сюжетов в западной гуманитарной мысли [Там же: 115—116]. Николаева также отмечает

общественно-политическую актуальность этой тематики — на фоне молодежного протesta — для западной гуманитарной мысли 1960—1980-х гг. Поскольку революция рассматривалась в буржуазной науке как иррациональный, стихийный, непознаваемый процесс, то, по мнению И. Ю. Николаевой, данная проблематика стала благодатной почвой для апробации психоисторией своих методов и принципов. Применение концепции бессознательного рассматривалось психоисториками как альтернатива марксистскому анализу социальных революций [Там же: 117].

Николаева выделяет характерные черты такого подхода («психоисторической революционологии», по ее слову): субъективный психологизм и антимарксизм [Там же: 121]. «Психоисторики»-фрейдисты определяли статус революций как «исключительно деструктивных явлений, свидетельствующих о болезненном состоянии общества» [Там же: 122]. Революции, как и войны, с точки зрения американских психоисториков, свидетельствуют о том, что общество обладает потенциалом разрушения и насилия. Любая социальная революция деструктивна. Вызывает критику Николаевой и попытка «буржуазных психоисториков» разделить революции на спонтанные и планируемые. Такая типология, по мнению автора, несостоятельна, так как отвергает основной посыл социальной революции — ее закономерный характер. То же самое относится и к трактовке психоисториками причин революций: главной причиной считалась деятельность исторических личностей с определенным психическим складом ума [Там же: 126]. В данном контексте любую революцию можно объяснить психопатологическими чертами политика вкупе с психологическими аномалиями его детства. Как пример подобного психоисторического подхода И. Ю. Николаева приводит объяснение причин Великой Французской революции, которая якобы являлась следствием воспаленного ума Робеспьера, начитавшегося Руссо [Там же: 128]. Используя психоанализ, американские историки-фрейдисты пытались доказать, что в революционных действиях личности проявляются выражения ее психосексуальных склонностей, перенесенных на общественный объект. Согласно Николаевой, реакционный подтекст подобных рассуждений очевиден: через очернение деятельности революционеров дискредитировать саму идею социальной революции [Там же: 134]. Как

историк-марксист И. Ю. Николаева не приемлет психоисторическую трактовку революций, противопоставляя ей социально-классовую концепцию происхождения революции.

Книга по американской психоистории, как уже было сказано выше, вышла в первый год перестройки. Затем, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., последовали события, которые, по словам известного отечественного историка-германиста Л. Н. Корневой (тоже, кстати, видного представителя томской историографической школы), стали настоящим потрясением для отечественной исторической науки [Корнева, Терехов, 1985: 155]. Кризис методологии исторического материализма, социально-классового подхода к изучению истории привел к переоценке теоретико-методологических основ отечественной исторической науки. Впоследствии И. Ю. Николаева будет все же достаточно высоко оценивать научный потенциал советской исторической науки, сумевшей, по ее мнению, в узких тисках марксистской доктрины сохранить высокий уровень аналитики, способность к обобщению, дискурсивность и диалогичность академического мышления [Историческая наука и историческое сознание, 2000: 172—175].

В поисках выхода из методологического кризиса маятник научных интересов качнулся в другую сторону. Вместо критики и обличения «буржуазной» исторической науки отечественные историки обратились к интеллектуальному диалогу с ней, пытаясь найти ответы на те проблемы, которые у них вызвали концептуальные трудности. И в первую очередь, конечно, речь шла об обновлении теоретико-методологического инструментария исторического познания. Томская историографическая школа, тщательно и профессионально изучавшая еще с советских времен научную парадигму западной исторической мысли, оказалась способной быстро перестроить свои интеллектуальные позиции. Начинается новый, постсоветский, этап ее развития, и И. Ю. Николаева, безусловно, становится его самым ярким представителем.

В статье 1990 г., посвященной роли и значению интеллектуальной истории в американской историографии, Николаева, констатируя кризис немарксистской историографии США, тем не менее отмечает продуктивность поиска американскими историками новых методов исторического познания [Николаева, 1990: 60]. В ряду новых направлений в американской историографии

Николаева выделяет интеллектуальную историю, которая сформировалась в западной исторической науке еще в первой половине XX века и к его завершению имела широкую исследовательскую традицию. Она высоко оценивает исследовательский потенциал интеллектуальной истории, так как ее предметом «являются различные уровни и формы общественного сознания» [Там же: 61]. Это, по мнению Николаевой, позволяет нам говорить о ней как некой интегральной дисциплине, охватывающей все области исторического сознания. Важнейшим признаком интеллектуальной истории стала ее гуманитарная направленность, что в целом соответствует антропологическому повороту в современной историографии [Там же: 70—71]. Интеллектуальная история по праву является одним из лидеров данного поворота.

Именно антропологический поворот в исторической науке последней трети XX столетия оказался в центре внимания историков томской историографической школы в первой половине 1990-х гг. Результатом этого стала известная монография 1994 г. «К новому пониманию человека в истории», в создании которой Николаева приняла деятельное участие [К новому пониманию человека в истории, 1994]. В соавторстве с В. М. Мучником она стала автором первой и второй глав монографии.

В начале своего труда авторы четко обозначили главную цель исследования — показать развитие новейших тенденций современной западной историко-теоретической и историографической мысли в связи с гуманизацией исторического знания, что привело в конце XX века к формированию нового образа человека в истории [Там же: 3]. Авторы высоко оценили вклад западной мысли в становление этого образа в течение всего столетия. Говоря о предпосылках «поворота» к человеку в западной исторической мысли 1970—1990-х гг., И. Ю. Николаева указывает на его основную предпосылку — «стремление преодолеть односторонний сциентизм в интерпретации дел человеческих, сохранив вместе с тем, по возможности, наработанное предшествующей традицией теоретико-методологическое наследие» [Там же: 5]. Это стало возможным после того, как различные направления «новой исторической науки» в 1950—1960-х гг. перестали отвечать требованиям времени. Данный процесс она сравнивает по значимости с эпохой перехода от историзма эпохи Просвещения

к классическому историзму XIX в. Главной, характерной чертой «поворота» является антропологизация исторического знания, его насыщение человеческим измерением на основе междисциплинарного синтеза [Там же]. Новый подход к истории подразумевает кардинальное изменение взглядов на онтологию и гносеологию исторического процесса, стремление ученого-историка не просто собрать и систематизировать факты, а создать живую ткань истории, в которой сам историк выступает как активный и познающий субъект [Там же: 5—6]. Николаева соглашается с идеей западных исследователей, определяющих историографическую ситуацию последней трети прошлого столетия как ситуацию постмодерна, хотя и отмечает ее некоторую драматичность для исторической науки [Там же: 23]. Однако тенденция «культурантропологизации» исторического образа человека в постмодернизме вызывает у нее положительную оценку [Там же: 24—25]. В этом контексте особенно привлекают Николаеву новейшие концепции бессознательного, направленные, по ее мнению, на выявление социокультурных и социоисторических характеристик человека в истории. Приведем цитату из рассматриваемой нами работы, которая предвосхитила программу будущих теоретико-методологических научных исследований Николаевой: «Такая ориентация в трактовке бессознательного таит в себе серьезные возможности для работы в русле одной из центральных онтологических проблем историзма — проблемы взаимодействия, взаимосоотнесенности исторического бытия и сознания» [Там же: 27].

Начиная со второй половины 1990-х гг. научная деятельность Ирины Юрьевны сосредоточивается на разработке и апробации собственной, оригинальной методики исторического исследования, созданной на основе современных концепций бессознательного и получившей в авторском варианте наименование «полидисциплинарный синтез и верификация полученных данных». Устойчивый интерес Николаевой к проблеме бессознательного в истории был обусловлен методологическими возможностями, которые позволяли рассматривать «человека в истории» в социокультурном ракурсе. Бессознательное понималось как «неосознаваемая, но четко упорядоченная историческим стилем жизни общества социально-психологическая матрица установок в поведении людей, формирующаяся контекстом исторического

опыта поколений, социальных слоев и отдельных личностей» [Историческая наука и историческое сознание, 2000: 176]. Иными словами, от трактовки теоретико-методологических смыслов исторической науки и исторического познания Николаева приступила к их конструированию. Результатом этого стали монография [Николаева, 2005] и докторская диссертация [Ее же, 2006].

Во Введении И. Ю. Николаева много пишет о современном кризисе основ исторического познания и делает вывод необходимости его преодоления, которое возможно только на пути интеграции и междисциплинарной конвергенции истории, других наук и различных методологических направлений в самой исторической науке [Ее же, 2005: 16]. И. Ю. Николаева отмечает, что этот процесс уже идет, и соглашается с термином Б. Г. Могильницкого, который определил его как историографическую революцию. Не претендуя на исчерпывающее исследование, Николаева позиционирует свою методологию полидисциплинарного синтеза и верификации полученных при ее помощи данных в качестве методики, позволяющей соединить возможности макро- и микроистории, в частности, в области истории ментальности. Характеризуя концепцию Николаевой, Могильницкий в свое время отмечал, что она дает перспективу «строго научного анализа ментальности в режиме верификации полученных знаний» [Могильницкий, 2008: 405].

Говоря о необходимости конструирования методологии полидисциплинарного синтеза, Николаева отталкивается от ситуации, сложившейся в историографии 1970—1990-х гг., когда множественность и разнонаправленность теоретико-методологических концепций привела к тому, что, по словам Дж. Иггерса, вместо одной парадигмы исторического исследования получилось множество научных стратегий [Николаева, 2005: 25]. Это в конечном итоге сказалось на качестве интеллектуального продукта исторической науки и способствовало фиаско различных методологических концепций исторического познания, так как они, по словам Николаевой, не обеспечили возможности анализа личности в истории «как сложной психологической и интеллектуальной структуры, опосредованной и опосредующей всю систему социокультурных горизонтальных и вертикальных связей» [Там же: 28]. Именно личность как сложная многоуровневая структура, с точки зрения Николаевой, должна стать базисным компонентом

междисциплинарной методологии, который выведет исследователя к пониманию логики исторической причинности. В свою очередь, в анализе человека «как базисного компонента сложных структурных систем» [Там же: 29] Николаеву привлекает возможность считывания сознания и поведения в различных исторических структурах и обстоятельствах. Основой подобного считывания может стать бессознательное. Именно бессознательное, по мысли Николаевой, стало объектом пересечения различных теорий и концепций человека: габитуса, идентичности, социального характера и т. д., а также различных наук – психологии, социологии, культурологии. Однако в центр данного полидисциплинарного синтеза Николаева ставит историю: только в таком случае предлагаемая модель будет работать, и никак иначе. По ее убеждению, значимость бессознательного заключается в том, что оно, в коллективном или индивидуальном варианте, является основой целостного бытия человека [Там же: 31]. Фиксация бессознательного происходит во множестве случаев жизненного опыта и является ключом к пониманию историко-психологических истоков формирования ценностных установок и жизненного опыта человека в истории. Таким образом, мы, по мнению Николаевой, можем уловить момент перехода бессознательного в некое рациональное состояние, которое уже вполне поддается объяснению и верификации полученных результатов в реконструкции образов мышления, «через анализ ритуала, символики и т. п. вещей, позволивших продвинуться в изучении “культуры” в широком смысле слова» [Там же: 35—36]. Если говорить о теоретико-методологической концепции, предложенной Николаевой, более обобщенно, нельзя не согласиться с уже процитированным высказыванием Могильницкого: в ее основе находится проблема исследования менталитета в его разнообразных проявлениях.

Для аprobации своей методики полидисциплинарного синтеза и верификации И. Ю. Николаева выбрала ряд известных исторических сюжетов. Рассматривая проблему харизмы Меровингов в свете методологии исследования бессознательного, Николаева приходит к выводу о том, что эта харизма имела много составляющих: от традиции обожествления этого рода до чисто повседневной необходимости франков в наличии государственной власти [Там же: 86—87]. Причем на различных этапах

истории франков харизма Меровингов, по мнению ученого, изменилась, приобретая разные ментальные позиции. Николаева определяла такой тип харизмы как «мерцающую харизму». Она базировалась на бессознательных и рациональных установках [Там же: 127].

Центральным сюжетом докторской диссертации, на котором Ирина Юрьевна «обкатывает» свою полидисциплинарную методологию, стала проблема модернизации в России, рассмотренная в ракурсе социально-психологического и гендерного дискурса (Могильницкий, например, относит труды Николаевой к направлению гендерной истории). Не вдаваясь в подробности ряда сходных сюжетов, взятых Николаевой за образец, остановимся на ее характеристике социально-психологических аспектов модернизованных процессов в России в эпоху раннего Нового времени.

В центре внимания И. Ю. Николаевой социально-психологическая деформация личности в условиях ранней модернизации в России XVI столетия. В данном контексте особое внимание она уделяет личности Ивана Грозного как наиболее representativeвой фигуре того времени, вобравшей в себя все противоречия своей эпохи. Но при этом Николаева убеждена, что процессы, протекавшие в России в раннее Новое время, нельзя рассматривать вне контекста общеевропейских процессов данного исторического периода. В частности, эпоху Ивана Грозного и опричнину она сравнивает с формированием раннеабсолютистской монархии во Франции времен Людовика XI [Там же: 144]. По мнению автора, социально-психологическая деформация личности Ивана Грозного и вытекающая из этого опричнина привела к срыву «первой русской модернизации» [Там же: 145], что, в свою очередь, привело к социальному хаосу и возрождению архаических образов и установок в сознании и поведении людей и деформации накопленного исторического и культурного опыта.

За основу трактовки проблемы модернизации раннего Нового времени Николаева берет концепцию «Перехода» В. М. Ракова [Раков, 1999], насыщая ее психологическим анализом. Невозможность русского общества XVI столетия вырваться из круга архаических традиций Николаева объясняет сочетанием архетипического сознания и индивидуально-психологической и социальной специфики времени, ярким воплощением которого и стал сам Иван Грозный. Здесь и ранняя потеря родителей, и борьба дворцовых

группировок за влияние на молодого царя, и непочтительное отношение к малолетнему государю при дворе, и избыточное самолюбие зрелого и самостоятельного человека и правителя. Всё это трансформировалось в авторитарный психосоциальный тип не только царя и его окружения, но в целом всей элиты. Таким образом, деформация идентичности Ивана Грозного наложилась на объективные трудности процесса модернизации (Перехода) и формирования раннеабсолютистской монархии, что закончилось для русского государства и цивилизации катастрофой, последствия которой еще долго преодолевало русское общество.

После защиты докторской диссертации И. Ю. Николаева продолжала совершенствовать свою концепцию полидисциплинарного синтеза. Результатом этой работы стали многочисленные статьи и второе издание докторской монографии, расширенное и дополненное [Николаева, 2010]. На рубеже 2000—2010-х гг. новым сюжетом в научных исканиях Ирины Юрьевны постепенно становится теория модернизации и возможности ее применения к эпохе раннего Нового времени. Николаева отмечала дефицит макроисторических теорий, который становится серьезной методологической проблемой современности [Ее же, 2009б: 113]. Подчеркивая достижения советской медиевистики, Николаева, рассматривая переход от феодализма к капитализму в раннее Новое время, предлагает синтезировать марксистскую методологию с новейшими достижениями исторической науки, в частности с «антропологическим поворотом» в современной историографии, который позволил создать социокультурную модель западноевропейской цивилизации и описать специфику модернизационных процессов [Там же: 114]. Идеи Николаевой о социокультурной составляющей европейской модернизации раннего Нового времени получили развитие в работах ее учеников [Вершинин, 2011].

Заключение

Жизнь и научная деятельность Ирины Юрьевны были целиком связаны с городом Томском и Томским государственным университетом, в котором она прошла путь от студента исторического факультета до доктора исторических наук, профессора широко известной кафедры методологии истории под руководством Б. Г. Могильницкого — главного интеллектуального

центра томской историографической школы. Начав на излете существования советской исторической науки с изучения проблемы социальной революции в американской психоистории, она в период становления российской исторической науки в конце XX активно включилась в поиск новой методологии исторического исследования. Концепция полидисциплинарного методологического исторического синтеза, разработанная Николаевой в русле новейших достижений интеллектуальной истории, вызвала широкий интерес коллег-историков и не только. Эта концепция прошла научную апробацию в многочисленных трудах самой Николаевой и диссертациях и статьях ее учеников, которые продолжают научные традиции Ирины Юрьевны.

Список источников

- Вершинин А. С.* Роман Г. Я. К. Гриммельсгаузена «Симплициссимус» в фокусе полидисциплинарного анализа специфики процессов перехода в Германии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 25 с.
- Историческая наука и историческое сознание: сб. ст. / Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева, С. Г. Ким, В. М. Мучник, Н. В. Карначук. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 234 с.
- Ирина Юрьевна Николаева // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 214.
- К новому пониманию человека в истории: очерки развития современной западной исторической мысли / под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 226 с.
- Корнева Л. Н., Терехов О. Э.* Юрий Владимирович Галактионов. Ученый, организатор, учитель // Европейские исследования в России (1992—2017) / под общ. ред. О. В. Буториной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 153—160.
- Криницкая Г. С.* Еще раз о «новом» синтезе в исторической науке // Вестник Томского университета. История. 2011. № 3 (15). С. 123—128.
- Минц С. С.* Рецензия: Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 302 с. // Вестник РГГУ. 2009. № 1. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. С. 285—289.
- Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Гульбин Г. К.* Американская буржуазная «психоистория»: (Критический очерк). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 272 с.

- Могильницкий Б. Г. Из истории становления исторического образования в ТГУ: А. И. Данилов — создатель томской историографической школы // Вестник Томского университета. 1999. № 268. С. 126—133.*
- Могильницкий Б. Г. Становление томской историографической школы // Томск Советский: материалы городской науч.-практич. конф. Томского регионального отделения Общероссийского общественного объединения «Российские ученые социалистической ориентации», Томск, 6 нояб. 2002 г. / под ред. Н. А. Хлыстовой. Томск: Изд-во Института оптики атмосферы СО РАН, 2003. С. 172—183.*
- Могильницкий Б. Г. История исторической мысли: Курс лекций. Вып. 3. Историографическая революция. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 554 с.*
- Могильницкий Б. Г. Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 2 (6). С. 14—21.*
- Николаева И. Ю. Проблема социальной революции в современной американской буржуазной «психоистории»: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984. 192 с.*
- Николаева И. Ю. Проблема интеллектуальной истории в современной американской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. ст. / отв. ред. Б. Г. Могильницкий. Вып. 19. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 60—81.*
- Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 302 с.*
- Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2006. 53 с.*
- Николаева И. Ю. Судьба ученого и учителя на перекрестке микро- и макроистории // Вестник Томского государственного университета. История. 2009а. № 2 (6). С. 7—13.*
- Николаева И. Ю. Большое видится на расстоянии: теоретическая база концепта «Перехода» // Средние века. 2009б. Т. 70, № 1—2. С. 113—116.*
- Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 410 с.*
- Николаева И. Ю. Борис Георгиевич Могильницкий: жизнь и судьба // Диалог со временем. 2014. № 47. С. 5—14.*
- Николаева Ирина Юрьевна // Профессора Томского университета: биограф. словарь (2003—2012) / авт.-сост. С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, М. В. Грибовский и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 6: 2003—2012. С. 207—211.*

- Памяти Ирины Юрьевны Николаевой 1955—2015 // Диалог со временем. 2015. № 52. С. 5—7.
- Раков В. М. «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI—XVIII вв.): учеб. пособие. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999. 254 с.
- Рамазанов С. П. На пути преодоления кризиса исторической науки // Вестник Волгоградского государственного университета. 2009. № 2 (16). Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. С. 164—165.
- Рамазанов С. П., Кирсанова Е. С. Историографическая школа в томском университете и ее лидеры // Историческое прошлое и образы истории: материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию Саратовского университета, Саратов, 17 мая 2019 г. / под ред. В. Н. Данилова, Л. Н. Черновой. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2019. С. 184—190.
- Репина Л. П. Рецензия: Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005. 302 с. // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 224—227.
- Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX — начале XXI в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.
- Хмылев Л. Н., Николаева И. Ю. Учитель, который учит букве, а укрепляет дух // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 178—184.

References

- Fominykh, S. F., Nekrylov, S. A. and Gribovsky, M. V. (comps) (2013), ‘Nikolaeva Irina Yurievna’, in *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskii slovar’* (2003—2012) [Professors of Tomsk University: biographical dictionary (2003—2012)], vol. 6, Izdatel’stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia: 207—211.
- ‘In memory of Irina Yuryevna Nikolaeva 1955—2015’ (2015), *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], no. 52: 5—7.
- ‘Irina Yurievna Nikolaeva’ (2015), *Novaia i noveishaiia istoriia* [Modern and Contemporary History], no. 6: 214.
- Khaminov, D. V. (2011), *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX — nachale XXI vekov* [Historical education and science at Tomsk University at the end of the XIX — beginning of the XXI centuries], Izdatel’stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Khmylev, L. N. and Nikolaeva, I. Yu. (1999), ‘A teacher who teaches the letter and strengthens the spirit’, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], no. 268: 178—184.

- Korneva, L. N. and Terekhov, O. E. (2017), ‘Yuri Vladimirovich Galaktionov. Scientist, organizer, teacher’, in Butorina, O. V. (ed.), *Evropeiskie issledovaniia v Rossii (1992—2017)* [European Studies in Russia (1992—2017)], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia: 153—160.
- Krinitksaya, G. S. (2011), ‘Once again about the “new” synthesis in historical science’, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istoriiia* [Bulletin of Tomsk State University, History], no. 3 (15): 123—128.
- Mints, S. S. (2009), ‘Nikolaeva, I. Yu. (2005), ‘The problem of methodological synthesis and verification in history in the light of modern concepts of the unconscious, Publishing house Tomsk University, Tomsk, Russia’, *Vestnik RGGU, seriia: Literaturovedenie, Iazykoznanie, Kul'turologiia* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities, series: Literary Studies, Linguistics, Cultural studies], no. 1: 285—289.
- Mogilnitsky, B. G. (ed.) (1994), *K novomu ponimaniu cheloveka v istorii: ocherki razvitiia sovremennoi zapadnoi istoricheskoi mysli* [Towards a new understanding of man in history: essays on the development of modern Western historical thought], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Mogilnitsky, B. G. (1999), ‘From the history of the formation of historical education at TSU: A. I. Danilov — the creator of the Tomsk historiographic school’, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], no. 268: 126—133.
- Mogilnitsky, B. G. (2003), ‘Formation of the Tomsk historiographic school’, in Khlystova, N. A. (ed.), *Tomsk Sovetskii: materialy gorodskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Tomskogo regional'nogo otdeleniia Obshcherossiiskogo obshchestvennogo ob"edineniia “Rossiiskie uchenye sotsialisticheskoi orientatsii”* [Tomsk Soviet: materials of the city scientific-practical conference of the Tomsk regional branch of the All-Russian public association “Russian scientists of socialist orientation”], Tomsk, Russia, 6 November 2002, Izdatel'stvo Instituta optiki atmosfery SO RAN, Tomsk: 172—183.
- Mogilnitsky, B. G. (2008), *Istoriia istoricheskoi mysli: Kurs lektsii* [History of Historical Thought: Course of Lectures], iss. 3, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Mogilnitsky, B. G. (2009), ‘Macro- and micro-approaches in historical research (historiographical perspective)’, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istoriiia* [Bulletin of Tomsk State University, History], no. 2 (6): 14—21.
- Mogilnitsky, B. G., Nikolaeva, I. Yu. and Gulbin, G. K. (1985), *Amerikanskaya burzhuaznaya “psikhoistoriia”: (Kriticheskii ocherk)* [American bourgeois “psychohistory”: (Critical essay)], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.

- Mogilnitsky, B. G., Nikolaeva, I. Yu., Kim, S. G., Muchnik, V. M. and Karachuk, N. V. (2000), *Istoricheskaiia nauka i istoricheskoe soznanie: sbornik statei* [Historical science and historical consciousness: collection of articles], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Nikolaeva, I. Yu. (1984), *Problema sotsial'noi revoliutsii v sovremennoi amerikanskoi burzhuaznoi "psikhoistorii"* [The problem of social revolution in modern American bourgeois "psychohistory"], Abstract of Ph D. Sc. (History) dissertation, Tomsk State University, Tomsk, Russia.
- Nikolaeva, I. Yu. (1990), 'The problem of intellectual history in modern American historiography', in Mogilnitsky, B. G. (ed.), *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki: sbornik statei* [Methodological and historiographical issues of historical science: collection articles], iss. 19, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia: 60—81.
- Nikolaeva, I. Yu. (2005), *Problema metodologicheskogo sinteza i verifikatsii v istorii v svete sovremennykh kontseptsii bessoznatel'nogo* [The problem of methodological synthesis and verification in history in the light of modern concepts of the unconscious], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Nikolaeva, I. Yu. (2006), *Problema metodologicheskogo sinteza i verifikatsii v istorii v svete sovremennykh kontseptsii bessoznatel'nogo* [The problem of methodological synthesis and verification in history in the light of modern concepts of the unconscious], Abstract of D. Sc. (History) dissertation, Tomsk State University, Tomsk, Russia.
- Nikolaeva, I. Yu. (2009a), 'The fate of a scientist and teacher at the crossroads of micro- and macrohistory', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istoriiia* [Bulletin of Tomsk University, History], no. 2 (6): 7—13.
- Nikolaeva, I. Yu. (2009b), 'Big things are seen from a distance: the theoretical basis of the "Transition" concept', *Srednie veka* [Middle Ages], vol. 70, no. 1—2: 113—116.
- Nikolaeva, I. Yu. (2010), *Polidisciplinarnyi sintez i verifikatsiia v istorii* [Multidisciplinary synthesis and verification in history], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Nikolaeva, I. Yu. (2014), 'Boris Georgievich Mogilnitsky: life and fate', *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], no. 7: 5—14.
- Rakov, V. M. (1999), "Evropeiskoe chudo" (rozhdenie novoi Evropy v XVI—XVIII vekov): uchebnoe posobie ["European Miracle" (the birth of a new Europe in the XVI—XVIII centuries): textbook], Izdatel'stvo Permskogo universiteta, Perm', Russia.
- Ramazanov, S. P. (2009), 'On the way to overcoming the crisis of historical science', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia 4: Istoriiia, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniia* [Bulletin of Volgograd State University, series 4: History, Regional Studies, International relations], no. 2 (16): 164—165.

- Ramazanov, S. P. and Kirsanova, E. S. (2019), ‘Historiographic school at Tomsk University and its leaders’, in Danilova, V. N. and Chernova, L. N. (eds), *Istoricheskoe proshloe i obrazy istorii: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu Saratovskogo universiteta* [Historical past and images of history: materials of the IV International Scientific Conference dedicated to the 110th anniversary of Saratov University], Saratov, Russia, 17 May 2019, Saratovskii gosudarstvennyi universitet, Saratov: 184—190.
- Repina, L. P. (2007), ‘Review: Nikolaeva, I. Yu. (2005), The problem of methodological synthesis and verification in history in the light of modern concepts of the unconscious, Publishing house Tomsk University, Tomsk, Russia’, *Novaia i noveishaya istoriia* [Modern and Contemporary History], no. 5: 224—227.
- Vershinin, A. S. (2011), *Roman G. Ia. K. Grimmel'stgaузена «Simplissimus» v fokuse polidistsiplinarnogo analiza spetsifiki protsessov perekhoda v Germanii* [G. Y. K. Grimmelsthausen's novel “Simplissimus” in the focus of a multidisciplinary analysis of the specifics of transition processes in Germany], Abstract of Ph. D. (History) dissertation, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 27.11.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 27.11.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

O. Э. Терехов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия.

O. E. Terekhov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of World History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

O. Н. Терехова — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия.

O. N. Terekhova — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor, Department of World History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.